

Краеведение

Зубова Гребля

«Деловой Миус» нашел очевидца существования и исчезновения с лица земли одного из уникальных местных хуторов

Письмо в редакцию

Уважаемая редакция! Недавно впервые поехал на рыбалку с друзьями в место, которое называется Зубова Гребля. Это неподалеку от Матвеева Кургана. Там есть плотина поперек Миуса, по виду очень крепкая, неизвестно когда и кем построенная. Посмотрел по старым картам — там нет никаких поселений вроде. А плотина — есть. Откуда же она взялась? Да и почему странное название такое — «гребля»? Словно там соревнования по гребле устраивались. Может, это искаженное слово от слова «гребень»?

Такое письмо нам прислал наш читатель из Матвеева Кургана — Николай Николаев. И мы взяли наводить справки.

Гребля — от слова «гresti»?

Прежде всего, выяснилось, что название «Зубова гребля» — самое что ни на есть правильное. «Гребля» — это старинное название плотины, насыпи из земли, камней, песка и других материалов, проложенной поперек реки, озера или болота, а так же наезженная по этой насыпи дорога. Греблей такие сооружения называли именно потому, что она была построена путем сгребания грунта.

Кстати, «гребля» — это наше родное, чисто славянское слово. В отличие от заимствованного во времена Петра I германского слова «дамба». По всей бывшей территории Российской империи сохранилось немало деревень и сел, которые носят в своем названии слово «гребля». Подавляющее большинство таких сел, кстати, расположено на Украине, остальные — в непосредственной близости от ее границ. Отчего можно сделать вывод, что и люди, давшие название Зубовой Гребле, были выходцами либо из приграничных районов Смоленщины, либо из Черниговско-Киевского региона, либо из Галицкой Западной Руси.

Живой свидетель старины

На старых картах, даже двухверстках, действительно, в районе Матвеева Кургана нет ни одного упоминания факта существования Зубовой Гребли. Нет ее и в «Статистических описаниях Области войска Донского» от начала-середины 19 века. Возможно, хутор просто был очень маленьким, чтобы его фиксировали. Уже почти отчаявшись найти хоть что-то, я вдруг получила информацию, что в Матвеевом Кургане живет человек, который родился на хуторе Зубова Гребля в 1923 году! И может рассказать об этом. Зовут эту замечательную женщину Мария Константиновна Киричкова, в девичестве — Калугина.

Как рассказывает Мария Константиновна, ее деды и родители жили на этом хуторе с середины 19 века, когда свободные земли Примиусы раздавали казачьим и прочим русским дворянским родам в награду за верную службу. К сожалению, теперь трудно выяснить факт, были ли владельцы хутора Зубовы: Иван, Дмитрий и Захар — дворянами. Хотя по архивным записям дворяне Зубовы в Примиусе жили. Но — чуть выше по течению, в районе нынешних Кучеровки, Большехирсаново и Кульбаково.

«Я как узнала, что в газете спрашивают про Зубову Греблю, то всю ночь не спала, — делится Мария Константиновна. — Я ж там родилась и все детство провела! Дорога, которая сейчас через Миус на «Якорь» ведет — там возле реки место было, которое называлось Сагва. («Сагва» — это старинное казачье слово, означающее болотистое озеро в степи, остаток речной старицы — прим. Авт.) А на Зубовой Гребле стояла мельница. Кто такие были Зубовы? Я думаю, что Зубовы — это были дворяне, которым царь дал землю в наших местах за верную службу. Они привозили крепостных со всей России, чтобы эти земли заселить. Мои предки жили на этом хуторе и носили фамилию Калугиных. По семейному преданию, их привезли на Миус из-под Калуги».

Зубовская мельница

— У Зубовых с Зубовой Греблей была большая семья. Отца их звали Ираном. Старший из братьев — Дмитрий. У него детей не было. Потом — Захар. Были у них еще, вроде бы, глухонемой брат Никита и Кирилл. Кирилл Иванович, после того, как хутор был в 1937-1938 году ликвидирован, до войны жил на улице Светлой в Матвеевом Кургане. Захар жил на улице Мичурин. Где жил Дмитрий, не помню уже.

Хозяйство у Зубовых после революции было очень большое и богатое: не только своя мельница, но и конюшни голов на 30-40 лошадей

и быков, парники, пасека, сады, огород и много пахотной земли, где сеяли пшеницу. А на мельницу к ним со всей округи возили муку — дорога была очень наезженной.

Земли Зубовых были такими обширными, что простирались, если мерить по дороге на Латоново, от Волковой Горы до хутора Зевин, которого сейчас уже тоже не существует. (Недавно на остатках этого хутора работали поисковики, «Деловой Миус» сообщил об этом в номере 18 от 4 мая в заметке «Миус-фронт: два дня, сорок атак и больше тысячи погибших» — прим. Авт.)

Зубовы, Фатеевы и Панченко

— Правда, на этой же земле вместе с Зубовыми располагалось еще два поместья. Первое принадлежало помещику Степану Фатееву и называлось «Степанов сад». Второе — было собственностью помещицы Панченко, и носило название «Таврический сад». Они запомнились мне потому, что там росло очень много редких и диковинных тогда для нас, крестьян, цветов: розы, нарциссы, тюльпаны. Потомки помещицы Панченко, кстати, до сих пор живут в Матвеевом Кургане, правда, носят уже другую фамилию. А дом ее стоял примерно на одной линии с нынешним железнодорожным мостом, только на другой стороне Миуса.

В годы моего детства вдоль всего берега Миуса у Кургана до Зубовой Гребли и дальше нее по течению шли так называемые «Калустинки». Это были небольшие участки земли, на которых все жители, каждый себе, сажали капусту, чтобы мочь поливать ее прямо из Миуса. На этом месте и после того, как колхозы появились, тоже всю жизнь были огороды — только хорошая земля! Помню, когда раскулачивали в 1937 году Зубовых, их имущество не только забирали в колхоз, но и раздавали всем крестьянам понемножку. Мне досталась сахарница — очень красивая, зеленая, с крышкой в виде расписной

Так выглядит сейчас затопленная плотина

курочки. До войны в доме у Дмитрия Зубова потом располагалась колхозная Огородная бригада. Та самая, которая после стала Ученической бригадой.

Зевины, Коробкины и Калугины

— Я до сих пор помню, кто и где жил на хуторе Зубова Гребля. Все, конечно, держали много хозяйства, у всех были и сады и огороды. Кроме Зубовых, было еще 10-12 крестьянских семей. Это были Богдановы: Иван и Григорий Захаровичи. Иван Захарович жил после ликвидации хутора на улице Комсомольской, а работал в «Заготконторе». А Григорий Захарович жил на улице Пионерской, он — прадед предпринимателя Александра Авдеенко.

Дальше всех жил Коробкин Егор Иванович — дедушка Елизаветы Антоновны Парамоновой, которая была учителем начальных классов в райцентре. Егор Иванович по улице в сторону к Волковой горе жил. Когда хутор ликвидировали, то в его доме долго еще было общежитие для студентов сельскохозяйственного техникума, которые сюда приезжали учиться.

У Егора Ивановича был брат — Антон Иванович. Держал прекрасную пасеку. А рядом с ним семья Зевинных жила — ее главой был Павел Иванович. Наверное, кто-то из них, Зевинных, основал хутор Зевин. Ну, и мой папа между Коробкиными и Зевинными и дом имел — Калугин Константин Иванович. Дом у нас, к сожалению, сгорел в 1936 году — был пожар...

Про гидроэлектростанцию

— Тут по дороге на Зубову Греблю ГЭС на Миусе. Что это такое ГЭС — знаете? Это «народная стройка»! Туда отправляли всех жителей, даже врачей-хирургов, снимая их со смен. Камени, руками разгружали, землю таскали на носилках. Построено все это было в 1954 году, а проработало всего только до 1957-го. И то — включали

эту турбину только днем, в 12 ночи — выключали, экономили.

Ну а когда в 1957 году разрушили какую-то плотину, кажется, в Рязаном, то уровень Миуса понизился так сильно, что ГЭС больше не смогла работать. Так и ушла в небытие «народная стройка»...

Путешествие автора

Осенью, в момент низкого уровня воды, когда я была на месте старой мельницы в предпоследний раз, плотина была видна очень хорошо и возвышалась над водой сантиметров на 20. Отчего шум падающей воды довольно хорошо был слышен в обе стороны по Миусу. Не знаю, как и с помощью какого цемента плотины строили раньше, но качество кладки даже теперь — просто отличное, никаких разрушений нет. Сейчас, когда уровень воды еще высокий — плотина полностью скрыта под водой. И обнаружить ее можно только огромному, натянутому поперек долины количеству деревьев, затопленных как выше, так и ниже по течению. Причем, деревья эти — штук пять больших, толстых, кленов, явлов и ясеней, которые, захламляя и перерождая реку, еще могут наделать немало беды...

К сожалению, полностью захлещено не только русло Миуса в этом историческом месте. На берегу тоже полно рукотворных «памятников», оставшихся от пикиров. А какие-то умники, отправляясь в поход, видимо настолько заботились о собственном здоровье, что даже вывалили в здешних кустах сотню использованных пачек из-под молочных продуктов. Тут же, неподалеку, обдирали от изоляции явно не купленные провода и на костре выплавляли медь. И ведь жаль — красивейшее место с прекрасной историей, куда в школьные походы водили еще наших мам и пап — и вдруг — такое грустное забвение к истории и такое деградирующее скотство в отношении к природе! Может, это Зубовы и их крестьяне не простили нам, потомкам, горькой потери своих родных домов?

Елена Мотыжева